

Он и прежде был одаренным в боевых искусствах, но с появлением Янь Ли, который во всем его превосходил, а затем и вовсе увел его суженую, характер парня окончательно исказился.

И теперь этот самый извращенец — он сам! Тот самый несчастный автор.

Может, он имеет право пожалеть о содеянном? Имеет право хоть немного подправить сюжет?

— Старший брат, куда же ты бежишь? — запыхавшись, прокричал Чжэн Цянь, догоняя его.

Цзинь Шифа обернулся, его глаза покраснели:

— Ничего, всё в порядке.

Чжэн Цянь замер в недоумении. Видеть такое выражение лица на всегда холодном и невозмутимом старшем брате было дико. Неужели он и вправду при падении повредил рассудок? Причем весьма серьезно, раз это стало так заметно.

— Старший брат, третья сестра еще не очнулась, не хочешь навестить ее?

— Нет! — поспешно выпалил он.

Чжэн Цянь озадаченно уставился на него. Не слишком ли бурная реакция?

Цзинь Шифа поспешил в свою комнату. Он ни за что не пойдет к этой Лу Цяньцян! Если он не будет проявлять к ней интереса, то не станет соперничать с Янь Ли, не наживет себе врага и, глядишь, не погибнет бесславной смертью.

Он понимал, что ведет себя эгоистично, желая, чтобы девушка не просыпалась, но, боже, прости его — он просто не хочет умирать!

Он вознес молитву Иисусу, исполненный искренней благодарности. Кто знает, работают ли молитвы Иисусу в этом пространстве?

Тело Цзинь Шифа быстро пошло на поправку, а вот Лу Цяньцян так и не очнулась.

Раз уж сюжет был написан им самим, то и память к нему вернулась полностью. Конечно, некоторые детали стерлись: например, сколько именно служанок в поместье Баньчэн — он никогда не прописывал такие мелочи, если только не писал Красный терем.

Лу Циин навещал его несколько раз. Как и было описано в книге, он очень ценил своего старшего ученика. Цзинь Шифа не особо прописывал внешность учителя, главное — чтобы от него исходила властная аура, так что и выглядел тот подобающе — внушительно и грозно.

Едва он оправился от болезни, как Лу Циин снова пожаловал с визитом.

— Учитель, — он послушно поклонился, в точности как было написано в романе, и это ожидаемо не вызвало у Лу Циина подозрений.

Лу Циин, поглаживая козлиную бородку, улыбнулся — вид у него был весьма добродушный.

— Ле'эр, как твое самочувствие? — Лу Циин похлопал его по плечу, призывая выпрямиться.

— Намного лучше, благодарю за заботу, учитель. — Говоря это, Цзинь Шифа чувствовал, как по

коже бегут мурашки. Одно дело — писать такие высокопарные фразы, и совсем другое — произносить их самому. Да и обзавестись внезапно учителем было сомнительным удовольствием.

— Раз так, у меня есть для тебя поручение: отыщи прославленного лекаря, чтобы спасти Цяньцян, — произнес Лу Циин.

...Разве не Гао Цзыюнь должен был этим заниматься? Этот Лу Циин явно не уважает первоисточник, а ведь автор стоит прямо перед ним!

Он только прибыл в этот древний мир, откуда ему знать, где искать каких-то лекарей?

— Учитель... ученик только оправился от болезни, может, лучше отправить второго брата? — предложил Цзинь Шифа, почему-то вспомнив Сунь Укуна и Чжу Бацзе.

— Цзыюнь у меня сейчас с визитом в школе Цинчэн. К тому же, если ты сам приведешь лекаря, Цяньцян будет гораздо приятнее. — Лу Циин вздохнул: — На самом деле, с ней ничего страшного, просто она не может очнуться, а причину никто не знает. А просить помощи у крепости Леянь я не хочу.

Лу Циин выглядел таким печальным, что Цзинь Шифа не нашел в себе сил отказать и вынужден был согласиться.

— Слушаюсь, учитель.

Он никогда не путешествовал далеко — даже в собственной книге. Поэтому в дорогу он взял лишь две вещи: деньги, которые всегда пригодятся, и младшего брата Чжэн Цяня.

Нагруженный свертком с золотом и банкнотами, Цзинь Шифа верхом на лошади, в сопровождении Чжэн Цяня, отправился в путь.

Точнее, это была не поездка, а прогулка — так решил про себя Чжэн Цянь. Прошло уже полмесяца, а старший брат только и делает, что глазает по сторонам, словно турист, и ни капли не беспокоится о поисках лекаря. Неужели ему плевать на сестру?

— Старший брат, мы ведь ищем лекаря?

— Конечно, — рассеянно ответил Цзинь Шифа, чьи мысли были заняты уличной едой.

Он никогда не задумывался о таких мелочах, как быт этого мира, но здесь всё оказалось на удивление продумано, а еда — совершенно незнакомой.

Сглотнув слюну, он решил, что сейчас же зайдет в ресторан и как следует поест. Он обнаружил, что у Цзинь Ле в личной казне полно денег — в каждом углу комнаты можно было найти золото или векселя. Быть злодеем выгодно, что ни говори.

Это ему только на руку.

— Но почему мы ни разу не зашли в аптеку или к врачу? Если будем просто гулять, как мы найдем лекаря?

Цзинь Шифа бросил на него взгляд:

— Если бы великий лекарь сидел в аптеке, он не был бы великим. Разве ты не слышал историй? Настоящие мастера медицины — это всегда свободные странники, их нельзя найти по заказу.

Увидев впереди постоянный двор Пыль мира, он просиял. Это название он придумал, наслушавшись песен Чжоу Цзелуня. Интересно, так ли здесь вкусно, как в его воображении?

Чжэн Цянь кивнул, хотя и не совсем понял логику, но, подняв глаза, увидел, что старший брат уже несется к гостинице.

Пришлось догонять. Войдя внутрь, он обнаружил брата на самом видном месте — перед ним стояло... э-э, десять корзинок с пельменями?!

Он помнил, что старший брат никогда не был таким прожорой и не питал особой любви к еде.

Что происходит? Неужели при падении у него не только мозг повредился, но и характер изменился?

Несмотря на недоумение, Чжэн Цянь сел за стол и взял палочки.

Он ел медленно, ошеломленно наблюдая, как Цзинь Шифа уплетает пельмени — один за другим, с таким аппетитом и не заботясь о приличиях. Совсем не тот строгий старший брат, которого он знал.

Впрочем, такой брат казался гораздо ближе.

Глядя на него, Чжэн Цянь и сам проголодался.

Они съели одну корзинку за другой, и вскоре от десяти порций осталось лишь несколько штук.

Чжэн Цянь уже едва мог дышать, но живот Цзинь Шифа казался бездонной ямой — он продолжал есть, словно не мог насытиться.

У входа в гостиницу поднялся шум, сопровождаемый бранью слуги, что привлекло внимание зевак.

Чжэн Цянь тоже хотел выйти посмотреть, но там собралась такая толпа, что не протолкнуться. Он просто схватил за рукав проходившего мимо человека:

— Послушай, что там происходит?

— О, там какой-то упрямый нищий свалился у входа.

Нищие у дверей — дело обычное. Но его заинтриговало другое:

— В чем же его упрямство?

— Да он истощен до костей, руки-ноги не держат, упал и встать не может. Хозяин гостиницы пожалел его, хотел еды дать — не берет. Предложил денег — отказывается. Попросил слугу помочь встать — он отталкивает всех, хочет подняться сам, а сил нет. Вот и устроил представление, — парень развел руками.

Цзинь Шифа замер с пельменем во рту. Почему-то у него возникло скверное предчувствие.

— И правда упрямый, — Чжэн Цянь приподнял бровь, охваченный любопытством, и направился

к толпе.

Он долго тянулся на цыпочках, но людей было слишком много. Наконец, он просто грубо растолкал зевак.

Как-никак, он был учеником главы величайшего поместья в Поднебесной, поэтому с легкостью поднял лежащего на земле юношу одной рукой.

Мальчишка был грязным — не только лицо, всё тело было покрыто слоем копоти и пыли. Чжэн Цянь, стоя так близко, не мог разобрать черт лица, видел лишь глаза — черно-белые, с длинными, притягательными персиковыми веками, в которых читалось нечто загадочное.

Юноша холодно смотрел на него. Его взгляд, лишенный всяких чувств, был холодным, словно тысячи ледяных ножей.

Чжэн Цянь почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Эй, малец, чего уставился? Пошли, накормлю тебя.

— Не надо, — холодно бросил юноша.

— Еще чего, не надо. — Чжэн Цянь проигнорировал отказ и потащил его к их столику, по пути удивляясь, какой же тот низкий — едва до плеча достает.

С того момента, как Чжэн Цянь поднял этого чумазого мальчишку, Цзинь Шифа перестал есть и впился в него взглядом.

Он не знал, как выглядит Янь Ли — в конце концов, он писал роман, а не рисовал мангу. Но этот паренек, хоть и появился при других обстоятельствах, по описанию был точь-в-точь как главный герой.

Такой же черный.

По его описанию, главный герой выглядел младше своих лет, хотя на самом деле был всего на два года моложе Цзинь Шифа. Его миниатюрность была следствием недоедания, а кожа — которую он описывал как нежнее, чем у девицы — была такой черной исключительно из-за грязи.

Он не мог просто подойти и спросить: Эй, ты случайно не Янь Ли?

А если тот спросит, откуда он знает, что отвечать?

Проверить, Янь Ли это или нет, было просто: достаточно искупать его и посмотреть, белый ли он под слоем грязи.

Но где взять воды? Хм, а слюна подойдет...

Он втянул воздух, набрал побольше слюны и сделал вид, что собирается плюнуть на черного мальчишку.

Тот поднял свои черно-белые глаза и сверкнул таким яростным взглядом, что без слов было ясно: попробуй только!

Цзинь Шифа вздрогнул и проглотил слюну. Пошутил же, зачем так серьезно?

Чжэн Цянь посмотрел на него с презрением.

Цзинь Шифа подумал немного, достал из багажа платок, смочил его в вине и, схватив руку мальчишки, принялся тереть небольшой участок.

Лицо юноши мгновенно побелело, он попытался вырваться.

— Не дергайся! — Цзинь Шифа, не заметив перемены в его лице, решил, что тот капризничает, и продолжил тереть.

Куда уж там вырваться, да и не сопротивлялся он никогда.

По мере того как Цзинь Шифа продолжал тереть, его лицо становилось все более печальным. Вскоре, как по волшебству, на черной руке проступило маленькое белое пятнышко.

Если не знать, можно было подумать, что это руки двух разных людей.

Выражение лица юноши было весьма красноречивым: даже сквозь грязь было видно, как он побледнел от боли.

Цзинь Шифа смотрел на него, ничего не понимая.

Воспользовавшись тем, что его отпустили, мальчишка поспешно отдернул руку. Место, где его терли, нестерпимо жгло.

Он годами жил нищим, в грязи и вони, кожа была в ужасном состоянии, покрыта бесчисленными шрамами и ссадинами. Даже если их не было видно, поры были сухими и потрескавшимися. Вино, попавшее на них, жгло, словно соль на открытую рану, посыпанную перцем.

Но он не издал ни звука, ни стона, ни тяжелого дыхания.

Лишь злобно сверлил Цзинь Шифа взглядом.

Цзинь Шифа не знал, что у того на уме, да и не хотел гадать. Пусть смотрит — мало ли на него смотрели с ненавистью с самого детства? Для сироты без родителей это стало привычкой.

<http://bllate.org/book/21334/2164149>